

КРАСНОЕ ЯИЧКО.

(Разсказъ посвящается моему юному другу Э. Г.).

Врѣдѣ приближалась Пасха. Усилями ранней и дружной весны, яркимъ солнышкомъ и во-время прошедшимъ дождемъ, создавалась особенно радостная и торжественная обстановка великаго праздника.

Снѣга давно уже не было и въ поминѣ, полая вода слила, кое-гдѣ мѣстами показалась травка и деревья уже распустили свои клейкія и душистыя почки. Веселые, радостные голоса уличныхъ мальчишекъ, слившіеся съ безпечнымъ чириканьемъ воробьевъ и уныло-торжественнымъ благовѣстомъ «къ плащаницѣ», настраивали на праздничный ладъ; чувствовалось что-то торжественное и важное, а главное—въ памяти каждаго взрослого все это вызывало то пріятное воспоминаніе дѣтства, которое никогда не забывается и не перестаетъ быть милымъ, какъ бы ни мудрила надъ нами жизнь, какія бы она ни преподносила намъ «пилюли» и разочарованія.

Передъ ликующей природой, передъ этимъ чарующимъ пробужденіемъ весны, слишкомъ ничтожны и мелочны наши житейскія дразги и неурядицы: лучше забыть ихъ, слиться съ природой во-едино и славословить Того, Кто такъ прекрасно и разумно создалъ вселенную.

Подобныя мысли всецѣло овладѣли поручикомъ В—ъ, который

вотъ уже два часа какъ безцѣльно бродилъ по улицѣ, увлекаемый потокомъ куда-то спѣшившихъ людей.

Ему было пріятно сознавать себя разумной частицей мірозда-нія. Сладостное ощущеніе—родъ нѣжной истомы—овладѣло имъ, и отъ природы мечтательная натура его всецѣло подчинилась нахлынувшему настроенію, заставивъ позабыть на-время всѣ свои черныя мысли.

Оставимъ на нѣкоторое время нашего героя; пусть онъ пре-дается своимъ мечтамъ. Пусть вмѣстѣ съ природой привѣтствуетъ онъ радость жизни, солнце и счастье!

А мы тѣмъ временемъ ближе познакомимся съ нимъ.

Александръ Михайловичъ В—ъ, молодой бѣлокурый офицеръ, средняго роста, съ большими привѣтливыми голубыми глазами, отъ природы робкій и застѣнчивый, въ особенности въ обществѣ женщинъ, съ перваго взгляда не производилъ никакого впечатлѣнія; но стоило заговорить съ нимъ, какъ являлось желаніе узнать его поближе: много въ немъ было непосредственного, прямого, открытаго, что, въ связи съ его нѣжнымъ чарующимъ голо-сомъ, привлекало къ нему симпатіи всѣхъ. По натурѣ наивный и увлекающійся, онъ временами напоминалъ ребенка, несмотря на свои 24 года.

Года четыре тому назадъ онъ окончилъ военное училище и пол-ный розовыхъ надеждъ пріѣхалъ въ Т., куда вышелъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Въ полку ему сначала все улыбалось: началь-ство любило его скромную дѣловитость, товарищи уважали...

Военная служба и въ частности роль младшаго офицера, гдѣ онъ поминутно соприкасался съ солдатами, съ этими большими дѣтьми, для него—еще въ сущности самого ребенка—была нова и интересна. Съ особымъ удовольствіемъ онъ разрѣшалъ животрепе-щущіе вопросы и любознательность наивныхъ обитателей казармы.

Ротный командиръ, добродушный сѣдоусый капитанъ К—о, не безъ нѣкоторой доли безобиднаго хохлацкаго юмора симпати-зировавшій благимъ начинаніямъ Александра Михайловича, от-крылъ для послѣдняго, что называется, «carte blanche», предоста-вивъ ему широкую свободу дѣйствій.

Поэтому, сейчасъ же по прибытіи въ роту, онъ со всѣмъ пы-ломъ юности горячо принялся за свою многотрудную дѣятельность офицера. По цѣлымъ часамъ онъ оставался въ казармахъ въ не-урочное время. Здѣсь, окруженный солдатами, онъ входилъ съ ними

въ тѣсное общеніе, знакомился съ ихъ нуждами, бытомъ, велъ съ ними бесѣды на разныя темы, вмѣстѣ съ ними разучивалъ хоровыя пѣсни, а по праздникамъ устраивалъ солдатскіе спектакли, привлекая сюда и нижнихъ чиновъ другахъ ротъ.

Такъ прошло три года.

Какъ вдругъ одно обстоятельство сильно измѣнило образъ дѣйствій молодого поручика. Онъ рѣже сталъ появляться въ казармахъ въ послѣслужебное время, сталъ болѣе задумчивымъ и еще глубже ушелъ въ себя, окончательно отмежевавшись отъ сверстниковъ-офицеровъ, съ которыми и прежде у него было очень мало общаго. О немъ начали говорить, что онъ готовится въ академію. Всезнающій балагуръ и острякъ подпоручикъ Вася П—й или по просту «Бобчикъ», какъ его въ шутку называли въ полку, говоря о В—ѣ, увѣрялъ, что «его благородіе врѣзамшись» и страдаетъ отъ неудовлетворенной взаимности.

На самомъ же дѣлѣ картина была такова.

Къ Рождественскимъ праздникамъ В—ѣ собрался въ отпускъ къ своей матери, скромно живущей на пенсію въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ. Тамъ на балу въ мѣстномъ клубѣ онъ встрѣтился съ Ольгой Николаевной М—й, петербургской барышней, уже побывавшей на курсахъ и теперь мечтавшей поступить на сцену.

Красивая, стройная брюнетка, съ прической Кавальери и даже немного напоминающая эту артистку, чѣмъ она не скрывая гордилась, Ольга Николаевна сразу произвела на В—а чарующее впечатлѣніе; а ея кокетливая игривость и вниманіе къ нему, какъ единственному офицеру уѣзднаго городка, дополнили остальное: В—ѣ на первомъ же балу по уши влюбился въ М—ю.

Пылкая, мечтательная натура его, давъ полную волю своей фантазіи, приписывала новой знакомой небывалыя совершенства.

На слѣдующихъ вечерахъ въ томъ же неизмѣнномъ клубѣ онъ уже изопрядся въ своемъ краснорѣчии и, путемъ летучей почты, подготовлялъ почву будущаго объясненія.

Вскорѣ оно состоялось.

На новый годъ онъ познакомился съ ея родными, прогорѣвшими помѣщиками мѣстнаго уѣзда, прежде жившими въ столицѣ, а теперь вынужденными, за отсутствіемъ средствъ, переѣхать въ провинціальную глушь. Родители Ольги Николаевны и въ особенности ея мать, сухая и размалеванная по всѣмъ правиламъ косметики старуха, не понравились сначала В—у. Но пылъ его необычайной фантазіи вскорѣ превратилъ и эту желтую старушонку въ

модную львицу и grande dame, какой до сихъ поръ мвила себя Клеопатра Ильинична, причеиъ ииенемъ Клеопатры В—ъ. даже гордился, находя въ немъ нѣчто «царское и величественное».

Словомъ, нашъ Александръ Михайловичъ былъ на седьмомъ небѣ и во второе свое посѣщеніе М—ъ, уллучивъ удобный моментъ, сдѣлалъ предложеніе Ольгѣ. Послѣдняя легкимъ наклономъ головы поблагодарила его за честь и, прежде чѣмъ отвѣтить, попросила позволенія подумать и посовѣтоваться съ матерью.

Клеопатра Ильинична, когда это стало ей извѣстно, долго и внимательно смотрѣла на В—а черезъ лорнетъ, чѣмъ сильно смутила робкаго юношу. По брезгливой складкѣ ея губъ, образовавшейся послѣ ея безцеремоннаго осмотра, было нетрудно догадаться, что она недовольна: она находила его незавидной партией для своей дочери. Что же касается отца, то бѣдный Николай Ферапонтовичъ былъ существо безгласное; съ его мнѣніемъ не находили нужнымъ считаться. Будучи всецѣло подъ башмакомъ своей благовѣрной, онъ дѣлалъ все, что она прикажетъ. Въ данномъ же случаѣ Николай Ферапонтовичъ былъ доволенъ: уже давно его затаенной мечтою сдѣлалось «сбагрить», какъ онъ нѣсколько вульгарно выражался, свою Оленьку съ рукъ.

Какъ бы то ни было, однако, В—у сразу не отказали: отъ такого рискованнаго шага останавливали Клеопатру Ильиничну чисто практическія соображенія.

Въ самомъ дѣлѣ, выгодныхъ жениховъ не было, да и гдѣ ихъ найдешь по нынѣшнимъ временамъ, а пословица, что на безрыбѣ и ракъ—рыба, а на безлюдѣ и Оома—дворянинъ, была уже очевидно знакома Клеопатрѣ Ильиничнѣ, какъ достаточно вкусившей «познанія добра и зла»; и визиты В—а къ М—ъ продолжались.

Однажды, это было подъ вечеръ, сидѣли и болтали въ гостиной о городскихъ новостяхъ.

В—ъ, всегда до этого молчаливый и сосредоточенный, почему то былъ въ особенномъ ударѣ: онъ много шутилъ, острилъ и импровизировалъ.

Потомъ пришелъ братъ Ольги, гимназистъ 4-го класса Ваня; онъ принесъ отъ фотографа ея карточки. Нѣмецъ фотографъ Мейеръ оказался великимъ мастеромъ: своей прекрасной ретушевой и безъ того хорошенькую Ольгу онъ превратилъ въ настоящую красавицу.

Всѣ тѣснымъ кольцомъ окружили Ваню и любовались фотографіей, каждый по своему.

Въ черномъ бархатномъ платѣ, съ гордымъ видомъ королевы, стояла Ольга во всеоружіи своихъ черныхъ обворожительныхъ глазъ.

«Звѣзда лучезарная, радость, счастье!» мысленно произносилъ В—ъ, не будучи въ состояніи оторваться вѣз карточки.

В—ъ никогда потомъ не могъ забыть этого момента и вообще всего этого «очаровательнаго», какъ онъ потомъ его называлъ, вечера.

— Ну, вы, поэтъ, рыцарь, что написали бы вы при видѣ этой карточки, дамъ вашего сердца? близко-близко приблизившись къ В—у, обратилась Ольга къ своему безмолвному обожателю.

В—ъ чувствовалъ на себѣ ея близкое и прерывистое дыханіе. Какъ она была прекрасна въ эту минуту!...

В—ъ молча подошелъ къ миниатюрному письменному столику, взялъ перо и листъ, а черезъ минуту-двѣ, къ великому восхищенію всѣхъ, продекламировалъ слѣдующія строки:

„Эти искры глазъ лучистыхъ
 „Мнѣ покоя не давали,
 „Сколько слезъ горячихъ, чистыхъ
 „У меня онъ порою вызывали!
 „Сколько радостей надежды
 „И тревогъ случайныхъ,
 „Но въ ея сердечныхъ тайнахъ
 „Я по прежнему невѣжда“.

— Bravo, bravo! Ай-да Александръ Михайловичъ, вотъ уважилъ! хлопая въ ладоши, восхищался Николай Ферапонтовичъ.

Клеопатра Ильинична тоже снисходительно улыбалась.

Вся послѣдующая сцена представлялась В—у какъ бы происшедшей въ какомъ то чаду: до того онъ былъ взволнованъ и пораженъ неожиданностью.

Быстрыми шагами вилотную подошла къ нему Ольга опять.

Немного раскраснѣвшаяся, восторженная и сіяющая, съ граціозной улыбкой легкаго кокетства положила она ему на плечо свою маленькую, изящную руку.

Нервная дрожь пробѣжала по всему тѣлу В—а. Ихъ глаза встрѣтились. Черные глаза гипнотизировали голубые. О, эту минуту никогда не забудетъ В—ъ! Какъ часто потомъ одно воспоминаніе о ней наполняло радостью все его существо и сразу отгоняло всѣ мрачныя мысли!... Эти минуты стоятъ вѣчности, имя имъ—счастье!

— Такъ не будьте же «невѣждой» и знайте: я люблю васъ, я ваша! отчетливо произнося каждое слово, промолвила Ольга.

Онъ судорожно сжалъ ея маленькую руку и сталъ безъ конца покрывать ее поцѣлуями.

Съ этого времени она стала замѣтно ласковѣе къ нему относиться:

Они много говорили о будущемъ. Ольга ему внушила мысль теперь же, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, засѣсть за книги и начать готовиться въ академію.

При наличіи его способностей и кое-какихъ связей, оставшихся еще у М—ъ въ Петербургѣ, Ольга, въ честолюбивыхъ замыслахъ своихъ, уже рисовала себѣ картину блестящей будущности своего супруга.

Клеопатру Ильиничну, хотя временами она и раздѣляла точку зрѣнія своей дочери, все же угнетала мысль о безденежьи и полной необезпеченности В—а.

— Жить на жалованье армейскаго офицера, фи! порой срывалось у нея неодобрительное выраженіе по поводу предстоящаго замужества дочери.

Но послѣдняя всегда умѣла во-время осадить свою маман: ея подчасъ прозрачныя намеки, въ которыхъ фигурировали *хорошіе* родители съ ихъ умньемъ давать приличное приданое своимъ дочерямъ, заставляли прикусить язычекъ расходившуюся Клеопатру Ильиничну, которая послѣ этого сразу умолкала и ехидно улыбалась, а иногда и попросту переводила разговоръ на другую тему.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Отпускъ В—а окончился и онъ уѣхалъ, напутствуемый хорошими пожеланіями и обѣщаніями Ольги много и часто писать.

Оль-Оль, какъ въ порывѣ нѣжности онъ ее величалъ, заимствовавъ вѣроятно это имя изъ Андреевскихъ «Дней нашей жизни», Оль-Оль первое время, правда открытками, но все же аккуратно отвѣчала на его восторженные и пламенные посланія. Затѣмъ все рѣже и рѣже стали приходиться открытки. Небрежный почеркъ, краткость и почти полное отсутствіе въ нихъ «нѣжнаго оттѣнка» доставляли не мало огорченій бѣдному Александру Михайловичу.

Къ этому присоединялось еще новое тревожное чувство—ревность, даже не ревность, а какая то тайная боязнь потерять любимую женщину.

Въ письмахъ матери въ послѣднее время къ тому же все чаще и чаще стало упоминаться имя нѣкоего Ш—а, пожилого и очень

богатаго ловеласа, собственный автомобиль котораго началъ частенько останавливаться у подъезда дома М—ъ. Разъ даже видѣли Ш—а, провожающаго Ольгу, идущимъ съ ней подъ-руку.

Обо всемъ этомъ добросовѣстно сообщала мать своему любимому сыну. Правда, не одобряя выбора сына (она не любила Ольгу и ея мать за ихъ надменность и чопорность), мать В—а втайнѣ радовалась, что ихъ дѣло разстраивается.

Вскорѣ по своемъ отъѣздѣ отъ матери, получилъ В—ъ и еще одно письмо анонимнаго автора, гдѣ среди всевозможныхъ вздорныхъ сплетенъ, окружавшихъ его имя и имя Ольги, послѣдняя выводилась въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Анонимный авторъ видимо сочувствовалъ Александру Михайловичу и предостерегалъ его отъ сѣтей «коварной жинщины»; какъ онъ именовалъ Ольгу Николаевну въ своемъ письмѣ.

Порвавъ въ клочки анонимку, В—ъ не придалъ ей никакого значенія и по прежнему ждалъ письма отъ Ольги.

Въ первыхъ числахъ марта Александръ Михайловичъ ѣздилъ на экзамены въ штабъ округа.

Передъ экзаменами, какъ манны небесной, тщетно ждалъ онъ писемъ отъ Ольги. Но ихъ не было.

Каждый день, около 4-хъ часовъ дня, когда обыкновенно мѣстный почталіонъ разносилъ по домамъ корреспонденцію, каждый день у параднаго входа сторожилъ В—ъ его приходъ. И каждый день получая однѣ только газеты, на его освѣдомленіе относительно писемъ, онъ слышалъ въ отвѣтъ одну и ту же почтительно-стереотипную фразу почталіона: «пишуть-сь»!

— Когда же, наконецъ, они напишуть, чортъ возми? не выдержалъ однажды В—ъ.

— Этого мы не можемъ знать-сь, подобострастно хихикнувъ, отвѣтилъ почталіонъ.

Такъ, не дождавшись никакихъ извѣстій, онъ и уѣхалъ въ Москву на окружные экзамены. Тамъ, подъ впечатлѣніемъ экзаменаціонной обстановки, нервы его еще болѣе взвинтились. Въ особенности онъ сильно волновался во время второго экзамена по тактической задачѣ.

Экзамены происходили въ помѣщеніи военнаго училища и по какой то причинѣ затянулись довольно долго. Во время работы стемнѣло, а электричество, которымъ помѣщеніе освѣщалось, почему то загло не сразу.

Экзаменующіеся офицеры, въ томъ числѣ и В—ъ, не закончившіе въ срокъ работу, просили прибавить $\frac{1}{2}$ часа времени вынужденной темноты къ тѣмъ 4-мъ часамъ, которые полагались на срочную работу. Наблюдающій за экзаменами полковникъ генеральнаго штаба, которому, видимо, порядкомъ таки надоѣла неблагодарная роль молчаливаго педагога, не соглашался. Еле-еле его удалось уговорить.

Остальные экзамены прошли безъ инцидентовъ.

Изъ 4-хъ темъ, предложенныхъ по русскому языку, В—ъ остановился на «Раскольниковъ» Достоевскаго. Онъ нарочно, бравируя своими знаніями литературы и прекраснымъ слогомъ, выбралъ эту наитруднѣйшую литературно-философскую тему.

Экзамень по верховой ѣздѣ, котораго такъ боялся В—ъ и который въ сущности свелся къ «кукольной комедіи», какъ его въ шутку называли присутствующіе здѣсь и освобожденные отъ экзамена кавалеристы, также прошелъ благополучно.

Оставалось ждать объявленія результатовъ: это неопредѣленное состояніе длится обыкновенно мѣсяца полтора, пока комиссія профессоровъ академіи, куда отправляются всѣ работы, не наложитъ на нихъ свое рѣшеніе.

Чтобы поскорѣе его узнать, В—ъ написалъ своему однополчанину Р—у, уже поступившему въ прошломъ году въ академію, письмо съ просьбой телеграфировать результаты, какъ только они будутъ объявлены.

Каждый день, возвратясь съ экзаменовъ, аккуратно и подробно описывалъ онъ своей возлюбленной всѣ свои экзаменаціонныя переживанія, планы и надежды.

Ольга молчала по-прежнему.

Возвратясь въ штабъ полка, В—ъ засталъ тамъ письмо отъ матери. Послѣдняя, между прочими новостями, писала: «а у насъ стали усиленно поговаривать о скоромъ обрученіи Оленьки съ Ш—ъ: вчера казначейша, Марія Ивановна, слышала это отъ папды нашей приходской церкви».

«Ну, да и то сказать», спѣшила она тутъ же въ письмѣ утѣшить своего сына: «что съ насъ возьмешь—провинція? Провинція: нельзя слова сказать, чтобы не вывели какого заключенія. Никто, какъ Богъ!» неизмѣнно заключала она.

На просьбу сына узнать все непосредственно отъ самихъ М—ъ, она отвѣчала уклончиво, ссылаясь на свое нездоровье.

Наконецъ, казалось, счастье улыбнулось В—у: онъ получилъ столь ожидаемое письмо. Но не радость и успокоеніе, а новый разладъ внесло оно въ его и безъ того тревожныя мысли.

Ольга, въ отвѣтъ на адресованные ей упреки, сухо и иронически заявляла, что, чтобы дѣлать кому-либо упреки, нужно прежде всего имѣть на это право и поводъ, и, если *и*. В—з этого права еще не получилъ *официально*, то она рекомендуетъ ему впредь въ своихъ словахъ быть болѣе осторожнымъ.

«Что же касается частыхъ посѣщеній г. Ш—а», писала Ольга въ своемъ письмѣ, «то нашъ домъ, какъ это вамъ извѣстно, былъ всегда открытъ для достойныхъ и порядочныхъ людей, къ кругу которыхъ принадлежитъ m-іеиг Ш—ъ. Было бы лучше, если бы вы, вмѣсто собиранія вздорныхъ сплетенъ, занимались дѣломъ.

Васъ никто не желалъ вводить въ обманъ и въ свое время вамъ все будетъ извѣстно», заканчивала Ольга свое немногословное, но внушительное посланіе.

Послѣ такого письма, для всякого другого стало бы ясно, что дѣло «швахъ!» Одинъ только В—ъ еще могъ на что-то надѣяться, чего-то ждать.

Такъ прошелъ еще цѣлый мѣсяцъ.

Ушедшій внутрь себя, Александръ Михайловичъ былъ уже не тотъ; окружающіе его не узнавали. Одинъ только проникательный, но поверхностный «Бобчикъ» былъ близокъ къ истинѣ.

Онъ нѣсколько разъ пытался овладѣть расположеніемъ В—а и вывѣдать отъ него тайну происшедшей переменъ. Но «Бобчикъ» менѣе всего, съ своей постоянной манерой острить и подтрунивать надъ товарищами, подходилъ къ роли друга, передъ которымъ бы можно было исповѣдываться и излить свое горе. Другихъ близкихъ товарищей въ полку у В—а не было.

Поэтому онъ еще глубже, какъ улитка въ скорлупу, ушелъ въ себя, невольно игнорируя окружающее. Столь аккуратный прежде, онъ нѣсколько разъ уже манкировалъ службой, самъ того не замѣчая: то опоздаетъ въ роту, то совсѣмъ забудетъ про тактическія занятія. Бесѣды и солдатскіе спектакли также преданы забвенію. Въ самомъ его обращеніи къ нижнимъ чинамъ тоже произошла рѣзкая переменъ. Внимательный и предусмотрительный ко всѣмъ солдатскимъ нуждамъ прежде, теперь онъ былъ совсѣмъ къ нимъ безучастенъ, а подчасъ даже и грубъ съ своими прежними любимцами. Онъ уже не пѣлъ съ ними пѣсенъ и неохотно отвѣчалъ на

вопросы любознательныхъ новобранцевъ. Такимъ засталъ его канунъ Пасхи, когда мы оставили его мечтающимъ на улицѣ. Послѣдуюмъ за нимъ.

Квартирка-миніатюра (всего двѣ комнаты), которую занималъ В—ъ, представляла изъ себя небольшой деревянный флигель, расположенный по близости отъ казармъ, на окраинѣ города.

По мѣрѣ того, какъ Александръ Михайловичъ удалялся отъ шумной и оживленной улицы и приближался къ своему захолустью, свѣтлое праздничное настроеніе, только что его охватившее, начало быстро улетучиваться. И опять, какъ прежде, думы его начали постепенно окрашиваться въ мрачные цвѣта. Кошмарныя мысли, какъ надоедливо-неотвязныя осеннія мухи, со всѣхъ сторонъ облѣпили его.

Отворившій двери денщикъ, татаринъ МахOMETдяновъ, весело ослабившись, подалъ ему письмо.

«Мухи» на мгновенье исчезли: по небрежной манерѣ писать, В—ъ сразу узналъ почеркъ Ольги.

— Милая, дорогая, вспомнила! безсвязно лепеталъ В—ъ, въ то время, какъ руки его съ лихорадочной поспѣшностью вскрывали конвертъ.

МахOMETдяновъ стоялъ почтительно въ сторонѣ и съ чисто собачьимъ выраженіемъ вниманія и вѣрности слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего господина, слѣдилъ и не понималъ.

Между тѣмъ фізіономія В—а, по мѣрѣ чтенія письма, все вытягивалась и вытягивалась, и спугнутыя было радостнымъ извѣстіемъ мухи-мысли снова вернулись и на этотъ разъ къ нимъ присоединилась еще одна новая, доселѣ невиданная; она образовала особую складку у бровей, отчего В—ъ какъ-то сразу осунулся и постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

Происшедшая съ бариномъ перемѣна не ускользнула отъ наблюдательнаго татарина и, изъ желанія хоть чѣмъ-нибудь выразить свое сочувствіе и помочь своему любимому господину, МахOMETдяновъ, топчась на мѣстѣ, началъ невнятно бормотать:

— Тебѣ можить, самоваръ, вашимъ благородіемъ?

— Убирайся ты къ чорту съ своимъ самоваромъ! рѣзко обрѣзалъ его В—ъ.

МахOMETдяновъ ничего не сказалъ, почесалъ въ затылкѣ и «на ципочкахъ» отправился къ себѣ на кухню.

В—ъ остался одинъ-на-одинъ со своимъ новымъ горемъ.

Читатель уже, конечно, догадался въ чемъ оно заключалось.

Да, въ своемъ отвѣтѣ на послѣднее письмо В—а, гдѣ тотъ, ставя вопросъ ребромъ, просилъ, наконецъ, покончить эту мучительную игру въ «кошки и мышки» и въ рѣшительной формѣ сказать все, Ольга, не уклоняясь на этотъ разъ, отвѣчала ему гордымъ отказомъ и разъ-навсегда просила оставить ее въ покоѣ, такъ какъ въ недалекомъ будущемъ она выходитъ замужъ за г-на Ш—а. вмѣстѣ съ тѣмъ она извинялась, что своимъ въ началѣ благожелательнымъ къ нему отношеніемъ ввела его въ заблужденіе.

«Но вы не могли мнѣ дать той полной жизни, того счастья, которое—мечта всей моей жизни», заканчивала она свое письмо: «вы бѣдны—и это все!»

«И это все!» Неужели все? въ сотый разъ повторялъ В—ъ, беспомощно опустившій руки и мрачно поникшій головой.

Опять и опять онъ судорожно сжималъ въ своихъ рукахъ этотъ роковой клочекъ бумаги и, не давая себѣ отчета, снова пробѣгалъ его глазами... Парализованная мысль реагировала на происшедшее только въ одномъ направленіи.

«Теперь всему конецъ, всему конецъ», повторялъ бѣдный В—ъ, мечась изъ угла въ уголъ своего «кабинета», какъ онъ называлъ большую комнату своей квартирки, служившую въ одно и то же время и гостиною и столовой.

«А я-то, я глупый строилъ планы, лелѣялъ мечты... Нѣтъ, только подумать», въ сотый разъ возвращался онъ къ создавшемуся положенію: «милая Оль-Оль, чистая (онъ мысленно продолжалъ считать Ольгу чистой и винилъ во всемъ мать), и этотъ прожигатель жизни, старикъ Ш—ъ, что въ нихъ общаго? Какое связующее звено можетъ соединить эту парочку? Деньги! Презрѣнный металл! Но вѣдь она же сама», онъ вспомнилъ ихъ послѣдній разговоръ передъ отбѣздомъ, «она сама говорила, что не придаетъ деньгамъ рѣшающаго значенія... Неужели она смѣялась надо мною, неужели правъ авторъ той грязной и жестокой анонимки, которая называла меня довѣрчивымъ простофилей и «первою мухой», а ее безсердечной эгоисткой и кокеткой 96-й пробы? Неужели?»... Путались мысли, переплетались воспоминанія, комната уходила изъ глазъ, В—ъ не помнилъ, что съ нимъ, гдѣ онъ...

Потомъ опять наступало минутное просвѣтлѣніе.

«И все такъ», продолжалъ обрывки своихъ мыслей В—ъ: «нѣтъ на землѣ счастья, нѣтъ; и только въ лучшемъ случаѣ людямъ удается создавать его иллюзію».

«Постой», поймалъ себя В—ъ»: чьи это слова, гдѣ я ихъ слышалъ?» И сейчасъ же ему вспомнился во всей подробности: авторъ этого афоризма «свихнувшійся» чиновникъ, запойный пьяница. «Неужели онъ правъ и въ своихъ «иллюзіяхъ», навѣваемыхъ казенкой, нашелъ то, чего не было въ жизни—удовлетвореніе?... Неужели и я долженъ пойти по той же дорожкѣ?»

И кошмарныя мысли, какъ волны, неслись уже дальше. Первая походка дѣлалась болѣе быстрой и онъ уже не ходилъ, а бѣгалъ по комнатѣ.

Временами онъ останавливался у письменнаго стола, порывисто схватывалъ заключенный въ массивную декадентскую рамку портретъ Ольги и долго-долго смотрѣлъ на него, какъ бы силясь понять причину столь неожиданнаго вѣроломства. Но молча и съ игривой улыбкой вызывающаго кокетства смотрѣла оттуда на него молодая дѣвушка.

И ея улыбка уже не казалась ему такой простой и наивной, какъ прежде; въ ней уже чувствовались ему какіе-то затаенные намеки презрѣнія, чего не замѣчалось раньше.

— Она можетъ меня презирать, будущая милліонерша, меня бѣднаго армейскаго офицера. Что жъ, презирай: «я стою этого!» злобно вскрикивалъ В—ъ, отбрасывая въ сторону портретъ и безпомощно опускаясь на стулъ.

Въ одинъ изъ такихъ приступовъ безсильной злобы и безнадежнаго отчаянія его вниманіе было привлечено небольшимъ плоскимъ кожанымъ футляромъ, лежавшимъ здѣсь же неподалеку, на письменномъ столѣ. Съ быстротою молніи въ его головѣ пронеслась новая и ужасная мысль: и его рука инстинктивно потянулась къ роковому футляру. Тамъ помѣщался новенькій, недавно полученный съ завода, браунингъ.

«Вотъ оно простое разрѣшеніе жизненной проблемы: смерть. Стоитъ только пошевелить палецъ, какъ все пройдетъ: будетъ хорошо, легко, спокойно... Вѣдь многіе стали прибѣгать къ этому средству. Средство... средство...» безсвязно лепетали губы В—а, въ то время, какъ не сознавая, правой рукой онъ уже освобождалъ отъ кобуры револьверъ. «Универсальное средство свести свои счета съ неудавшейся жизнью» мелькнула въ его головѣ красивая фраза.

«Что жъ», развивался далѣе кошмарный клубокъ мыслей злополучнаго поручика: «это хорошо!... Это такъ модно: объ этомъ каждый день пишутъ въ газетахъ, читаютъ лекціи... Завелась даже особая рубрика: «Уходящіе отъ жизни...» Да, уходящіе... и я уйду!..

Какъ это у Никитина?... «Убыль его никому не больна, память о немъ никому не нужна...» Да, никому! «Она» будетъ рада: я окончательно развяжу ей руки... Вотъ развѣ мама пожалѣетъ... милая мама!...» При мысли о матери револьверъ дрогнулъ въ его рукѣ, но онъ не выпустилъ его совсѣмъ, а продолжалъ держать по прежнему...

Вечерѣло. Умирающій лучъ заходящаго солнца, проникая въ комнату, игралъ на блестящемъ браунингѣ.

И въ то время, какъ глаза его еще читали роковое «feu» на браунингѣ, по ассоціаціи представлений, его мысль бѣжала уже въ другомъ направленіи. Передъ нимъ развѣтывалось широкое полотно картины его дѣтства. Вотъ онъ переживаетъ тождественныя впечатлѣнія, видитъ тождественную обстановку...

Яркое солнце залило ихъ домъ. Онъ еще совсѣмъ, совсѣмъ маленькій мальчикъ, пригостишка-гимназистикъ... Онъ въ красивомъ бархатномъ костюмчикѣ. Сегодня Пасха. У него много-много подарковъ... Онъ пресытился уже ими, его тянетъ на улицу, откуда давно уже раздаются шумные возгласы играющихъ мальчишекъ. Хочется и Шурочкѣ къ нимъ, но нельзя: мама непреклонна, да и старая Власьевна не сдастся... А солнце, какъ нарочно, ослѣпительно блещетъ и дразнить его...

Уставшая отъ долгой церковной службы, дремлетъ Власьевна. Это на руку юному проказнику... Весело и радостно переливаются солнечные лучи въ отраженіи его крохотнаго зеркальца: они, какъ маленькіе зайчики, перебѣгаютъ съ предмета на предметъ; вотъ въ ихъ сферу попадаетъ лѣниво потягивающійся котъ Васька. Ему не нравится это и онъ недовольно щуритъ свои зеленые глазки. Смѣшить все это Шуру и онъ отъ радости хлопаетъ въ ладоши. Послѣ кота по-очередно наводитъ онъ свое «волшебное» (это названіе онъ вычиталъ въ сказкахъ Гофмана, которыя уже читаетъ самъ, безъ посторонней помощи) зеркало и на групу оловянныхъ солдатиковъ, и на подарокъ дяди, козлика, и на художественно раскрашенное фарфоровое яичко, только что подаренное мамой. Няня мирно похрапываетъ въ такой смѣшной и заманчивой позѣ, открывъ свой беззубый ротъ, что шалунъ не оставляетъ и ее въ покоѣ. Ему удастся отыскать на полу такое мѣстечко, откуда отраженіе прямо ударяетъ въ лицо старушки. Подведя эту «мину», торжествующій Шура издали наблюдаетъ, какъ начинается морщиться Власьевна и какъ она тщетно силится отдѣлаться отъ неожиданной неприятности.

«Милый мой мальчикъ, зачѣмъ ты это дѣлаешь, такъ нельзя!» раздается вдругъ нѣжный голосъ мамы, и она беретъ его за руку... Неожиданное появленіе матери обрываетъ картину, и В—ъ предъ мрачной дѣйствительностью.

«Такъ нельзя», бессознательно повторяетъ онъ послѣднія слова воображаемой мамы въ то время, какъ его взглядъ улавливаетъ игривое отраженіе револьвера на портретѣ мамы дѣйствительной.

Это его отрезвило, теперь только онъ началъ давать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. В—ъ поспѣшно отбросилъ револьверъ далеко въ сторону. Онъ быстро всталъ изъ-за стола и, подойдя вплотную къ портрету, умиленно поглядѣлъ на мать.

Еще далеко не старая, со слѣдами бывшей красоты, симпатичная женщина глядѣла на него оттуда. Ласково-ободряющъ былъ ея взглядъ, много въ немъ было прелести и той чарующей нѣжности, которыми вообще отличаются матери.

В—ъ живо припомнилъ, что эта женщина сдѣлала для него очень многое. Она для него принесла себя въ жертву. Оставшись послѣ смерти мужа молодой вдовой, она изъ-за любви къ своему единственному Шурочкѣ отказалась отъ личной жизни, отклонивъ предложенія выгоднаго замужества, несмотря на настойчивыя ухаживанія многочисленныхъ претендентовъ на ея руку. Вѣрная памяти своего покойнаго мужа, Евгенія Ивановна (такъ ее звали) такъ и осталась вѣрною ей до конца, перенеся всецѣло свою любовь на «безцѣннаго Шурочку», перебраться къ которому на постоянное жительство было ея завѣтной мечтой. Но два обстоятельства мѣшали осуществленію этой мечты: Евгенія Ивановна не хотѣла стѣснять свободы Шуры своимъ присутствіемъ, да и жаль было разстаться съ городомъ, въ которомъ она провела всю свою жизнь.

«Вотъ женится Шура, появятся внучата... тогда можно», мысленно рѣшала она въ своемъ воображеніи этотъ кардинальный вопросъ.

Къ тому же Евгенія Ивановна до смерти не любила кочующую жизнь, и даже простой переѣздъ съ квартиры на квартиру составлялъ въ ея жизни цѣлое событіе. «А вѣдь Шурочка поѣдетъ въ Петербургъ, въ академію, и еще неизвѣстно куда то онъ выйдетъ оттуда»... Всѣ эти соображенія удерживали Евгенію Ивановну въ своемъ захолустѣ; иначе она давно бы была около своего ненагляднаго Шурочки, любовь и вниманіе къ которому приходилось ей изливать лишь въ своихъ частыхъ и длинныхъ-предлинныхъ письмахъ.

Въ самомъ разгарѣ знакомства В—а съ Ольгой Николаевной, Евгенія Ивановна уже рѣшила было разрубить гордіевъ узелъ своихъ колебаній: она уже собиралась навсегда покинуть свое насиженное гнѣздышко и переѣхать въ Т. Но первая размолвка по поводу различныхъ взглядовъ на Ольгу нѣсколько отдалила отъ нея сына; онъ холоднѣе и сдержаннѣе сталъ къ ней относиться, и Евгенія Ивановна по прежнему осталась жить въ своей глуши.

Все это теперъ во всей подробности промелькнуло передъ В—ъ, причемъ сама Евгенія Ивановна предстала передъ нимъ, окруженная особымъ ореоломъ славы.

«Милая мама!» воскликнулъ онъ въ порывѣ восторга: «ты всегда была моимъ ангеломъ хранителемъ, имъ ты осталась и до сего дня!...»

В—ъ окончательно пришелъ въ себя. Теперъ онъ понялъ весь ужасъ своего положенія: холодный потъ выступилъ у него на лбу при мысли о роковой развязкѣ, къ которой онъ чуть-чуть не пришелъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

«Безумный, вѣдь этимъ необдуманнымъ поступкомъ я свелъ бы ее въ могилу! Что это, малодушіе? да?...»

И нѣчто, похожее на угрызеніе совѣсти, зашевелилось въ душѣ Александра Михайловича. Онъ сравнивалъ себя прежняго и себя въ послѣднемъ періодѣ. Сравнивалъ и не находилъ оправданія своимъ поступкамъ...

«Нѣтъ, довольно, пора сбросить этотъ кошмаръ. Вѣдь мало того, что я сталъ терять уваженіе и любовь своихъ подчиненныхъ, они уже начинаютъ коситься на меня и не довѣряютъ мнѣ больше».

Здѣсь В—у припомнился недавній эпизодъ на урокъ грамотности, когда онъ, объясняя что-то изъ географіи любознательному новобранцу Попкову, вызвалъ на лицѣ послѣдняго недовѣрчивое выраженіе, а хитрое подмигиваніе ротнаго балагура Касаткина всецѣло отнесъ къ себѣ.

«Товарищи, въ особенности Бобчикъ, тѣ прямо смѣются мнѣ въ лицо. Нѣтъ, довольно! Только бы Богъ далъ выдержать экзамены! О, я тогда знаю, что дѣлать!...»

Рой новыхъ мыслей и надеждъ широкой волной наполнилъ мечтательнаго юношу. Ему казалось уже смѣшнымъ и это его минутное малодушіе и самая мысль о самоубійствѣ.

«Жить будущимъ, жить надеждою — вотъ мой теперешній идеаль. Да здравствуетъ жизнь! А пока tu dois travailler!» закончилъ онъ почему то свою мысль французскою фразой.

Стало совсѣмъ уже темно въ комнатѣ. В—ъ открылъ окно. Свѣжій, здоровый воздухъ, напоенный ароматомъ весны, какой то сладостный и манящій, потянулъ въ комнату, а надвигавшаяся ночь, темная, безъ звѣздочки, такая таинственная и чарующая, уже окутала все своимъ покрываломъ. Сколько неразгаданныхъ тайнъ, сколько неизвѣданныхъ прелестей жизни, сколько новыхъ надеждъ таить въ себѣ эта ночь?

И В—ъ еще болѣе почувствовалъ въ себѣ притокъ новыхъ силъ. Онъ сознавалъ себя вполне окрѣпшимъ и возрожденнымъ для новой борьбы... А съ улицы уже раздавались радостные возгласы мальчишекъ: на сосѣдней колокольнѣ зажигали пасхальную иллюминацію. Тѣ же примитивныя сальныя плашки, какъ и въ дни дѣтства В—а. Тѣ же блестящія инициалы имени воскресшаго Христа. И еще болѣе радостно стало на душѣ В—а.

Онъ, какъ ребенокъ, съ необсохшими еще отъ слезъ глазами, позабывъ свое недавнее горе, съ улыбкою смотрѣлъ будущему въ лицо.

— Тыбѣ тилиграмъ, вашимъ благородіямъ! прервалъ Махонетяновъ радужное настроеніе молодого поручика, но онъ не нарушилъ его стройности, а еще болѣе укрѣпилъ. Телеграмма была изъ академіи, отъ Р—а, и гласила слѣдующее:

«Экзамены выдержалъ. Поздравляю. Христось Воскресе!»

Съ соборной колокольни раздался первый ударъ колокола. Ему съ радостной поспѣшностью начали вторить другіе колокола. Звонили къ пасхальной заутренѣ.

В. Самохваловъ.

